

*С благодарностью сотрудникам КГБ СССР,
ФСБ РФ, СВР РФ и CIA USA
за предоставленные материалы,
которые послужили основой для создания этой книги.*

ПРОЛОГ XXL

1

Генерал Петя, прищурившись, поглядел на старика и улыбнулся по-детски искренней, широкой улыбкой:

— Вот, оказывается, как много вы знаете. Что ж мне с вами делать-то, а?

Казалось, старик его не слышит. Он молча сидел на стуле с высокой спинкой, руки его были заведены назад и схвачены в запястьях грубыми, режущими кожу наручниками. Такие любят применять в тюрьмах, где сидят особо опасные преступники.

— Молчите? Таки я не скажу, что это плохо, — отчего-то на одесский манер прокомментировал поведение старика генерал Петя, — лишь молчание чего-то стоит в этой жизни. Особенно если оно так нужно остальным. Я все-таки задам вам последний вопрос и очень прошу вас ответить на него честно. Видите, я сделал ваш допрос максимально гуманным: не кричал, убрал свет, как вы и просили, и даже по-дружески угостил вас яблоком с моей дачи. Поэтому внимание, последний вопрос, — генерал Петя присел на краешек стола напротив старика, и только тогда тот наконец подал голос:

— Вы зря сидите на столе. Дурная примета.

Генерал Петя удивленно вскинул брови:

— Вот как? И какая же?

— Денег не будет, — старик закашлялся.

— Ах, вот вы о чем... Деньги — это соль жизни, а без соли все имеет пресный вкус. Но соли для придания вкуса нужно немного, и щепотка-другая у меня всегда найдется, так что не верю я в вашу примету. Так как с моим вопросом?

Старик едва заметно кивнул: «Спрашивайте».

— Ваш замечательный дедушка, работавший с расстрелянным Бокием, не называл вам имя, которое он, возможно, прочел в самом конце тетради? Вы понимаете, чье имя я имею в виду?

— Понимаю. Нет, не называл. Он никогда не держал тетради в руках, просто видел издали, а потом его комиссовали из органов, и он ничего не знал о ее дальнейшей судьбе.

— Это ваше последнее слово? Вы уверены в том, что он не знал, где тетрадь?

— Абсолютно.

— Верю! — вдруг громко воскликнул генерал Петя и дурашливо захлопал в ладоши. — Viva, Кальман!

Затем он сделался серьезным и даже немного грустным. Слез со стола, обошел его справа, выдвинул один из ящиков и достал оттуда огромный крупнокалиберный пистолет:

— Помните, я в самом начале разговора сказал вам, что давно уже не допрашивал никого лично? Поэтому приходится компенсировать потерянный опыт параграфами из хрестоматии для младших лейтенантов госбезопасности. Последний параграф раздела под названием «Техника допроса заключенного» называется «Эффективный финал». Как вам формулировка? — Генерал Петя зашел старику за спину, и тот не мог видеть его лица. — Они там со-

С Е К Т А

вершенно оторваны от реальной жизни, те, кто составляет эти дурацкие хрестоматии. Эдакие библиотечные циники, считающие себя интеллектуалами. Но уж раз там так написано...

Он сделал шаг вперед, подошел к старику на расстояние вытянутой руки, поднял свой гигантский пистолет и, приставив его к затылку несчастного, спустил курок. Раздался оглушительный выстрел, усиленный вдобавок бетонными стенами камеры. Голова старика в мгновение ока стала напоминать взорванный гранатой арбуз.

Генерал Петя с некоторым удивлением посмотрел на пистолет, затем на ужасное дело рук своих, склонил голову так, как делает это умная остроухая немецкая овчарка, и, обращаясь сам к себе, восхищенно, с изумлением произнес:

— Рок-н-ролл!

Затем подумал немного и добавил грязное непечатное ругательство.

2

Служба давно закончилась. Отец Филипп, православный священник, прикрыл входные ворота. Был вечер зимнего, последнего перед Крещением воскресенья, и прихожан к службе явилось немного. Видать, берегут силы перед праздником, когда самые отчаянные станут нырять в прорубь, а значит, придется садиться на вездеход и ехать освящать полынью, пробитую в метровом льду с великой трудностью. Мороз и сейчас уже крепок, а на Крещение войдет в полную силу. Придется желающим испытать себя в ледяной обжигающей лаве, ломать собственной тяжестью ледяную корку, кото-

рой мгновенно схватывается открытая вода. Филипп из всех праздников отчего-то Крещение любил особенно. Может, из-за того, что и сам каждый год непременно нырял в прорубь, подавал пример колеблющимся. «Если уж батюшка вылез, то, значит, и с нами ничего не случится», — думали собравшиеся возле проруби люди и, мелко крестя рот, лезли следом.

Приход маленький, да и церковка не чета Елоховской: тоже маленькая, бревенчатая, словно выросшая из таежной мерзлоты. Построили ее еще при государе императоре Александре Втором Благословенном в его Императорскую честь. Так и называли церковку — Александровская. И село с таким же названием, и приход. Служил в нем отец Филипп с самой семинарии, немедленно после ее окончания отправившись из подмосковного тогда еще Загорска, а ныне Сергиева Посада, в далекий Иркутск, а потом и дальше, к самому Байкалу. Здесь и служил все тридцать два года безустанно, ни разу даже в отпуск не попросился. Священник любил этот край, исходил его взад и вперед и ни за что не променял бы святой байкальской земли даже на московские «сорок сороков». Пусть тот, кто Богу служит ради карьеры, в Москву стремится, а Филипп служил ради совести. Честно. Все зоны вокруг, словно щедрым сеятелем раскиданные, навещал, везде его знали. Пусть и сложно было сперва: зэки народ непростой, да только Господь со всеми на своем языке говорит, и со временем даже самые лютые, те, кто по зонам с юности до могильного кургана живут, при виде неутомимого священника ощеривали рот с редкими зубами — улыбались, значит. В самом Александровском весь народ так или иначе к зоне относился. Зона всех кормила и

С Е К Т А

поила — и тех, кто в ней работал и служил, и тех, кто когда-то в ней сидел. Обычное дело: «откинется» зэк, а куда ему податься? Вот и остаются людишки, обзаводятся мало-мальским хозяйством, частенько женятся. Бузят, конечно, не без этого. Потом, когда в себя приходят, идут к батюшке, грехи замолить или совета спросить. Одним словом, пастырь и его паства. Все как и должно быть. Кто еще научит, на путь истинный наставит, как не священник? Он же и грех снимет с души, а грехов на душе у сидельца российского немало.

И шли к отцу Филиппу людишки со своими чаяниями в любое время. Поэтому, услышав громкий стук в створ ворот, которые сам только что закрыл на засов, отец Филипп не удивился. Не иначе как из селян кто-то со своим горем или радостью пришел. Священник отодвинул засов и приоткрыл низкую в воротах дверцу.

Этих двоих он не знал. Память у отца Филиппа была хорошая, и тех, кого он сейчас увидел на пороге своей маленькой деревянной церковки, священник никогда ранее не встречал. Должно быть, только-только после освобождения, а другим тут делать нечего, да и лица вечерних визитеров были типичными для уголовников со стажем. Таких сухой язык юстиции именуется «рецидивистами». Публику эту отец Филипп не боялся. Привык давно. Он отошел от дверного проема, приглашая двоих гостей войти. Первый кивнул и, пригнувшись, решительно перешагнул порог. Второй заметно нервничал, постоянно вертел головой, словно стоял на шухере.

— Проходите в храм, не бойтесь. Рассказывайте, с чем пришли. Может, помощь какая нужна? —

просто и искренне обратился к пришедшим священник.

— Слышь, попик. А кто тебя боится-то? — второй, тот который нервный, наконец вошел внутрь и задвинул засов, первый с нахальной издевкой смотрел на александровского батюшку. Отец Филипп улыбнулся:

— Не надо так разговаривать. Здесь Божий храм, я в нем настоятель, вы ко мне пришли за помощью, так просите. Чем смогу, тем помогу.

— Ты меня, мышь церковная, будешь учить, как с тобой бакланить? А, сука? Ты, видать, попутал, падло. Кыча, — первый обратился ко второму, — вправь ему гланды.

Отец Филипп получил ослепляющий удар кулаком в лицо, после которого он не смог удержаться на ногах и при падении ударился головой о свечной поставец. Потерял сознание.

— Марюта, чего с ним, а? Он чего, сука, в натуре отъехал?

— Шас, — первый, которого звали Марютой, наклонился над распростертым священником. — Да нет вроде. Жива тля божья, просто припаял ты ему, Кыча, по двойной норме. Ничего, очухается. Давай-ка лучше искать эту... Как там фраерок говорил?

— Тетрадку вроде.

— Ага. Тетрадку. Куда он ее зашхерил? Тут ее, — Марюта обвел глазами небольшое помещение церквушки, — вроде и спрятать негде. Дай курить.

— На, — Кыча достал из кармана пачку «Явы». Марюта вытащил сигарету, чиркнул спичкой, прикурил и бросил спичку на пол. — Где ж она может быть-то, мля? В алтаре надо жалом поводить. Этот, — он кивнул в сторону лежащего без движения свя-

С Е К Т А

щенника, — небось там свои ништяки хранит. Кадилы там всякие, книжки поповские с рясой. Ты постой пока с ним, вертухнись, а я полукаю.

С этими словами уголовник Марюта проследовал в алтарь, распахнув его резные дверцы ударом ноги.

Кыча подошел поближе к отцу Филиппу, тот по-прежнему не подавал признаков жизни. Похоже, что это обстоятельство Кычу не обрадовало, и он с озабоченным видом почесал в затылке. Потом принялся смотреть по сторонам, подошел к иконе Николая Чудотворца, воровато поглядел на алтарь, в котором, судя по раздающимся оттуда звукам, орудовал его подельник, и, убедившись, что его никто не видит, быстрым движением перекрестился.

Тем временем Марюта, отвратительно сквернословя и отплеываясь, выбрался из алтаря, держа в руках несколько старинных переплетенных в кожу толстых книг:

— Ни хера тут нету. Только вот, — он поднял над головой свою находку, — книжки какие-то, в которых лично я ничо не догоняю.

— Дай поглядеть, — Кыча взял один из фолиантов, открыл наугад. — Это церковная. Тут молитвы написаны, у моей бабки такая была. На тетрадку не больно похоже вроде, — неуверенно закончил он.

— Во! — Марюта увидел, что священник понемногу приходит в себя: веки отца Филиппа задрожали, потом он открыл глаза и тихо застонал. — Очуhalось, божье вымя. Вот мы у тебя сейчас и спросим. Ну-ка, Кыча, давай дернем его.

Двое негодяев под локти подняли отца Филиппа и поволокли его к выходу. Быстро пересекли двор и подтащили священника к дверям его дома, стоящего напротив. Кыча пошарил по карманам в поисках

ключа, но не нашел. Впрочем, ключ не понадобился — дверь отец Филипп никогда не запирает. В Александровском, несмотря на «спецконтингент», к числу которого принадлежало большинство жителей, воровство отсутствовало вообще. «Крысу» ждал скорый и страшный самосуд — это было «по понятиям», которые более почитались местными жителями, чем Уголовный кодекс.

Дальнейшая пытка священника продолжилась уже у него дома. Двое озверевших уголовников перевернули все вверх дном, но тщетно. Отец Филипп, обливаясь кровью, давясь слезами, лишь просил Господа Бога простить этих двух заблудших и молился о спасении их души. Вдруг Марюта, до этого с помощью большого, найденного в сених гвоздодера методично вскрывавший половые доски, удовлетворенно хмыкнул:

— Попик, так ты чего нам беса гнал, а? Вот же она, тетрабочка-то. — Он показал подельнику свою находку: тонкую, переплетенную в черный коленкор тетрадь без надписей на обложке. — Видал, кореш? Все как тот хмырь лощеный описал. Черная тетрадка. Рвем отсюда.

— А с этим-то что делать?

— С этим-то? — Марюта отвратительно осклабился. — С этого спросить, как с гада, мля. Там внизу канистра стоит. Я приметил, как входили. Ты спички не посеял?

Кыча судорожно кивнул, видимо, хотел что-то сказать, но не решился, и кинулся вниз искать канистру. Марюта наклонился, достал из-за голенища сапога заточку, сделанную из трехгранного напильника, и шагнул к священнику...

...В пяти километрах от Александровского, в стороне от пустынного шоссе, так, чтобы никто не

С Е К Т А

заметил, стояли два черных брутально-квадратных внедорожника. Двигатели машин работали, рядом никого видно не было. Но вот из чащи вышли двое и сразу направились в сторону автомобилей. Дверца одного из них открылась, и навстречу вышедшим из леса людям двинулся человек в черном кожаном плаще. Плащ был длинным, ниже колен, на голове человека была надета кепка, смахивающая на бейсбольную: с длинным гнутым козырьком. Они встретились, когда до первой машины оставалось не больше пяти метров:

— Принесли?

— Обижаешь, командир. На, держи свою бациллу. — Марюта протянул человеку в плаще черную тетрадку. — А ты как там насчет второй половины?

Вместо ответа человек посмотрел вверх деревьев за спиной Марюты и спросил:

— А что там за шум и зарево?

— Да хрен его знает, что там за шум и зарево, — со злой издевкой ответил Марюта, — хорош хлебом щелкать, давай сперва с тобой про наши башли конкретно перетрем, а уж потом...

— Да не вопрос, мужики, — «плащ» улыбнулся. — Сейчас все получите. Вот я только старшему своему покажу то, что вы принесли. Идет?

— А не соскочишь? — неожиданно подал голос Кыча. — А то вдруг надумаешь на машинах-то рраз — и голяк. Ты учти, у нас тут места гиблые. На машине можно и не доехать, куда собирался.

— Да вы чего, мужики? Нам же надо убедиться, что вы принесли то, что нужно было. Я сейчас, только до машины дойду, покажу, и если все нормально, то...

— Не, фраерок. Мы давай-ка с тобой подойдем. Чтобы ты в случае чего не дернулся на взрыв. —

Марюта вплотную подошел к «плащу», а Кыча зашел со спины.

Стекло задней правой двери второй машины опустилось. Лица говорившего видно не было, лишь прозвучал его очень низкий, грубый и властный голос:

— Пусть подойдут.

«Плащ» обернулся на голос, закивал и сделал знак уголовникам следовать за ним. Все трое подошли к машине. Человек в кожаном плаще передал обладателю властного голоса ту самую тетрадку, что принесли Марюта и Кыча. Стекло бесшумно поднялось.

Прошло около пяти минут. Кыча нервно крутил головой, Марюта нащупывал в кармане дождевика, надетого поверх ватника, свою заточку, мысленно подготавливаясь к захвату «плаща» в качестве заложника, если, не ровен час, эти «упакованные», с нездешним «акающим» московским говором люди решат сыграть не по правилам.

Наконец повторилось то же, что и несколько минут назад: тонированное стекло опустилось, и тяжелый голос без интонаций сказал:

— Это фуфло.

— Чего, мля?! — Марюта вырвал из кармана руку с зажатой в ней заточкой и наяву воспроизвел придуманный им план захвата «плаща» в заложники, приставив сверкающий отточенный трехгранник к его шее:

— Ты чего, сука, а?! Ты где фуфло видел? Да мы за это фуфло только что божьего старичка порешили, мля! Кыча, дырявь ему макитру!

Человек в плаще вел себя очень спокойно и даже не пытался оказать сопротивление. Кыча встал за спиной своего напарника, в руке его появился

С Е К Т А

невесть откуда взявшийся пистолет. Ситуация была накалена до предела, но в это время голос, тот самый, исходивший от невидимки из второго «Мерседеса», спокойно произнес:

— Подойдите ближе.

Марюта и Кыча против своей воли подошли совсем близко к машине.

— Поглядите сюда.

Уголовники, ослабившись, словно волки, и вытянув шеи, принялись вглядываться в темноту прямоугольника открытого автомобильного окна. Лица их свела судорога, в глазах бушевал ужас, а из перекошенных ртов доносилось сиплое частое дыхание.

— Что ты видишь? — Голос стал еще ниже, словно он состоял из одних только басов. — Скажи мне, что ты видишь?

Марюта замычал, его лицо исказила еще более дикая гримаса, он принялся бить руками по воздуху, словно и не воздух это был, а трясина и он, Марюта, сейчас, задыхаясь, тонул в болоте. Бандит упал на колени, зарычал, окончательно превратившись в животное. Вдруг он бросился вперед, на руки, встал на четвереньки и, пробив головой наст, принялся есть грязный снег. Кыча тонко завыл. Он вертелся на одном месте, как юла, и размахивал своим пистолетом. Несколько раз выстрелил в землю, а затем внезапно остановился и посмотрел на свой пистолет так, словно видел его впервые, а затем засунул дуло в рот и нажал на спусковой крючок. Его бездыханное тело с выбитым пулей темнем упало на землю со звуком мерзлого бревна.

Человек в плаще молча подобрал выпавший пистолет, проверил, есть ли в стволе патрон, и выстрелил в голову Марюте. Бросил пистолет на снег. Подойдя к головной машине, открыл дверцу и быстро

забрался внутрь. Словно по команде, у обоих «Мерседесов» включились фары, и, взревев двигателями, автомобили тронулись с места.

Через секунду на поляне остались лишь два трупа — Кычи и его поделщика, рот которого был забит нетающим снегом.

3

...В кабинете Германа заканчивалось внеочередное совещание. Уже пятое на этой неделе, а неделя притом только началась. Вторник! За длинным столом для заседаний, который пустовал реже, чем использовался по прямому назначению, сидели шефы крупнейших периодических изданий. Здесь был и главный редактор «Негоцианта» господин Пучкин, и директор-распорядитель «РБХ» господин Гучкин, и президент «Альфа-Медиа» господин Кучкин, и, разумеется, два термоядерно-медийных боеголовы: публицист господин Птичкин и покрытый двухнедельной щечной растительностью ведущий телешоу «Кстати!» господин Мелентьев. Ситуация была неспокойной: после скоропостижной кончины Рогачева его карманные оппозиционеры лишились финансирования и вдруг, неожиданно для всех, в том числе и для самих себя, решили, что они никакие не карманные, а самые настоящие. У оппозиции появились спонсоры, а следовательно, и деньжата, и все эти Емцовы, Огурцовы и Каркаровы вдруг принялись ожесточенно добиваться, чтобы им хоть немного перепало от большого политического пирога, все куски которого, как известно, были давно поделены между... В общем, не важно кем. Как говорится, «эта нога — кого надо нога», так и незачем за-

С Е К Т А

острять внимание. Как бы ни шуточны и убоги были попытки бывших рогачевских подопечных заполучить реальную власть, громко шуметь у них тем не менее выходило. Причем так громко, что некоторые особенно пронзительные речи доносились сквозь плотно прикрытые двери наиглавнейшего кабинета, и тогда Геру вызывали на ковер и давали, по его собственному выражению, «откушать царскую фекалию». После таких вызовов Гера, шипя и отплевываясь, летел по кремлевским коридорам, словно ударенный чемпионом мира бильярдный шар, и переводил дух только после того, как попал «в лузу», то есть в собственное кресло.

Вот уже три месяца Кленовский занимал один из высших постов в администрации, но каждый день давался ему такой большой кровью, словно бы это был год на передовой под непрерывным артобстрелом, так, что и голову поднять не могли — отстрелит начисто. За три месяца Гера изменился до неузнаваемости.

Во-первых, он еще больше похудел. До такой степени, что однажды его спутали с экс-министром чего-то-там Бобченком и не хотели пускать на заседание правительства. Пришлось даже срочно менять гардероб, для чего прямо в Кремль был вызван модельер Букашкин, снявший с Германа мерку, получивший за свою работу предоплату из стабилизационного фонда и укативший собственноручно строчить и кроить костюмы для господина Кленовского. А что? За двести тысяч евро не то что Букашкин, сам Валентино вспомнит молодость и повесит на шею портновский метр.

Во-вторых, Гера стал, по меткому, как всегда, выражению наблюдательного генерала Пети, «за-

шуганным» и приобрел привычку по-птичьи дергать головой, что сильно смахивало на невроз.

В-третьих, он поседел! Нет, не совсем, разумеется, как лунь, но виски его посеребрило изрядно. Генерал Петя иногда хлопал его по узенькой спине и подбадривал:

— А ты как думал, сынок? Бремя — оно, брат, есть бремя.

Те, кто помнил прежнего Германа, сейчас, встречая его на некоторых шумных мероприятиях или, что чаще, увидев по телевизору, лишь качали головой и цокали языками, мол, «сдал Герка, то ли опять торчит на чем-нибудь, то ли пьет не просыхая». И конечно, были не правы, ибо не в наркоте или алкоголе тут было дело. Гера сох на работе, чувствуя, как все эти бесконечные Кучкины и Птичкины высасывают его нутро, словно пауки высасывают нутро запутавшегося кузнечика, оставляя лишь пустяковую оболочку. Дунь — унесет к чертовой матери, и днем с огнем никто не отыщет.

Незаметно наступил предвыборный год, и Гера иногда завидовал Рогачеву, покинувшему этот суетный мир и оставившему Герману столь беспокойное хозяйство. На смену Ришелье всегда приходит Мазарини, и все, кто при Рогачеве сидел тихо, решили было, что и Герман такой же — инертный, безвольный... Но тут-то они и ошиблись.

Гера через подконтрольные ему ресурсы развернул такую информационную войну с оппозицией, так затянул гайки, что спустя три месяца его прозвали «кремлевским подонком». Вооружившись банальным, но проверенным девизом «Цель оправдывает средства», прикормленная Герой медийная гопота принялась так поносить любую не идущую с медведем лапа в лапу политическую силу, что у вид-

С Е К Т А

ного оппозиционного деятеля, чей предок писал хорошие книжки для детворы, а в перерывах расстреливал кулаков, случилось обширное несварение желудка, а на его почве, кажется, инсульт. Совещания с «первопечатниками», как называл Гера управляющих крупнейшими многотиражками, и «болтунами», как озвездил он ведущих политических эфиров, были одним из важнейших элементов борьбы, развернутой Герой против тех, кто решил откусить «пирога». На таких совещаниях Гера выступал с предельно жесткими программными монологами, не терпел никаких возражений, стучал по столу тяжелой хрустальной пепельницей, а однажды пообещал, что тот, кто посмеет перебить его, Германа Кленовского, тот рискует получить этой самой килограммовой пепельницей в лоб, невзирая на заслуги. Слово первопечатники и болтуны получали, как правило, в конце совещания и права на собственное мнение не имели. Гера применял тактику «я д'Артаньян, а вы дерьмо», и его боялись. Знали, что обозлить Кленовского означает потерять работу, и, помалкивая, дружно кивали и «внедряли с оптимизмом» Герины задумки.

Лишь к одному человеку из всей этой печатно-трепачной братии Гера благоволил. Фамилия человека была Варенов, и он руководил русской версией журнала «Newsweek». Ранее Варенов был наиболее талантливым телеведущим и фантастическим шоуменом, чей стиль ведения передач теперь жалко копируем многочисленными клонами, но его «отжали» по личному распоряжению «кое-кого», а Гера с этим вопросом лишней раз перед «кое-кем» появляться не хотел.

«Лишь безжалостно уничтожая противника всеми имеющимися методами, не предоставляя ему ни

единого шанса на публичный ответ или, не ровен час, полемику, мы сможем добиться преемственности курса — той задачи, которую ставит перед нами президент и те прогрессивные экономические силы, которые его поддерживают», — говорил Герман, и все слушали его затаив дыхание. Внимали. Вот и сейчас в очередной раз он произнес эту подводящую итог фразу, обвел всех цепким, колючим взглядом, от которого многие из присутствующих покрылись гусиной кожей, и объявил о конце совещания. Каждый из присутствующих посчитал своим долгом перед выходом подержаться за сухую ладонку Кленовского, а когда очередь дошла до Мелентьева, то Гера бросил ему:

— Вы мне нужны. Задержитесь.

Кабинет опустел. Гера встал из-за стола, приоткрыл окно, прошелся по кабинету, не обращая никакого внимания на провожающего его взглядом Мелентьева, и уселся обратно. Закурил, предварительно вставив сигарету в мундштук с антитабачным патроном. Сердце в последнее время неприятно покалывало, и он решил расстаться с этой восхитительной табачной зависимостью, которую всю свою курительную жизнь считал частью собственного имиджа. В пластыри, иголки и гипноз не верил, поэтому перешел на легкие сигареты и такой вот хитрый мундштук. Это помогало, но совсем отказать от сигарет пока что не получалось.

— Я попросил вас остаться потому, что хочу услышать эту странную историю именно от вас, как от очевидца.

Мелентьев вскинул брови, очень правдоподобно изображая удивление:

— Я не понимаю?!

Гера исподлобья тяжело поглядел на него и ни-

С Е К Т А

чего не ответил. Молча снял трубку телефона, который связывал его напрямую с кабинетом генерала Пети, и без предисловий попросил:

— Зайди, пожалуйста, мы вдвоем.

Генерал Петя заявился в несколько затрапезном виде, что было немудрено: на часах время подходило к полуночи, поэтому красные глаза и распушенная петля галстука были вполне естественны для столь позднего часа. Плюс к этому генерал Петя был без пиджака, рукава белой рубахи его были небрежно закатаны до середины запястья, а брюки держались на широких подтяжках. Во рту генерал Петя мусолил окурочек сигары, и весь этот голливудский антураж шел ему, словно грива лошади, то есть абсолютно.

Он кивнул Герману и Мелентьеву. Уселся напротив бородатого телеведущего и положил ноги на стол:

— Герман Викторович, вы нашему другу пояснили, чего от него сейчас требуется?

Герман мотнул головой: «Нет. Не успел».

— Ага. Ну, тем лучше. Валера, ты вроде был на питерском недовольном шествии?

Мелентьев в знак согласия кивнул, а генерал Петя саркастически заметил:

— Вот ведь они какие, звезды голубого экрана-то. Нет бы ответить старику, мол: «Да. Был я там, господин Сеченов». Так нет же! Они кивают. Эх, одно слово, интеллигенция. Ты у нас интеллигенция, да, Валера?

Мелентьев робко пожал плечами, а генерал Петя продолжал измышляться:

— А раз ты такой крутой, что не хочешь со мной разговаривать, а предпочитаешь изъясняться жестами, то тебе все равно придется нам с господином

Кленовским рассказать, что на этом шествии произошло такого, что заставило тебя распускать сплетни о каком-то там полтергейсте или о чем-то в этом роде. Ты же пойми, Валера. Ты рупор режима, пока, во всяком случае. Тебе в этот свой рупор и шептать лишнего нельзя, а ты с этим Малопольским, да еще в прямом эфире, мол, «толпа словно повиновалась приказу! Невозможно так организовать шествие, не отрепетировав его несколько раз!». Ты чего?!

Мелентьев наконец-то подал голос:

— Вы понимаете, я ведь просто хотел сделать программу интересней. Ну... Вот и добавил «желтухи».

Генерал Петя снял ноги со стола и, облокотившись на столешницу, уставился на телеведущего:

— Ты либо не пуржи, а расскажи, что там было на самом деле, по твоим ощущениям, либо...

— Понимаете, Петр Валерьевич, — зачастил Мелентьев, — я сперва сам ничего не понял. Просто через три минуты после начала шествия я ощутил что-то такое... Я даже затрудняюсь объяснить это на словах...

— А ты попробуй. Язык — это же твое орудие производства.

— Понимаете, меня охватило дикое желание ругаться на чем свет стоит. Причем не просто бессмысленно сквернословить, нет! Вполне адресно производить непотребщину о президенте, членах кабинета, Госдумы и так далее, словом, обо всех членах партии и правительства. И я готов поклясться, что то же самое почувствовали окружающие, потому что вокруг начало твориться нечто неопишное!!! Все ругали режим на чем свет стоит и делали это перед зарубежной прессой, перед камерами!

Герман ударил кулаком по столу:

С Е К Т А

— Какой еще прессой?! Было же распоряжение — никаких камер!

Мелентьев усмехнулся:

— Профессиональный хроникер снимет так, что никто и никогда не заметит камеры. Откуда, по-вашему, все эти ролики в Интернете и сюжеты в Си-эн-эн и на Би-би-си. Хорошо еще, что их могут смотреть только обладатели спутниковых тарелок!

— А ролики в Сети мы хакнули почти сразу, — отозвался Гера.

— Ладно, давайте ближе к телу, — генерал Петя бросил свой лохматый сигарный окурочок в хрустальную пепельницу. — Так что вы думаете?

— Знаете... Если бы я верил в то, что такое возможно, я сказал бы, что вся толпа, а там было прилично народу, все присутствующие несколько минут словно находились под каким-то массовым гипнозом. И вот именно это было снято и показано в зарубежных сюжетах. А потом словно кто-то рраз! — и все мгновенно заткнулись. Я помню, как люди с удивлением глазели друг на друга, многие спрашивали: «Что это было?»

Генерал Петя, внимательно слушавший Мелентьева, подмигнул Гере, и тот улыбнулся телеведущему:

— Спасибо за ваш рассказ, можете быть свободны. И пожалуйста, не обсуждайте ни с кем ничего такого... Ну, вы понимаете?

Мелентьев снова кивнул, чем вызвал смешок генерала Пети, опомнился и выпалил:

— Так точно!

— Тогда можете быть свободны, — Герман проводил бородача до двери в коридор и на прощание крепко пожал ему руку.

... — Ты мне-то объяснишь, что все это значит? Не люблю быть кисточкой в лапе художника, когда мною рисуют импрессионисты — я их на дух не переносу, так как тяготею к мертвым натюрмортам.

— А ты не боишься?

— Смотря чего?

— Такой правды.

— Петр Валерич, я заинтригован в доску.

— С толпой работал какой-то... Не знаю, как его назвать. Гипнотизер — слишком банально. Маг — это просто детский лепет... Медиум? — генерал Петя немного поразмышлял и ответил сам себе: — Да. Пожалуй, медиум. И сильный, черт его побери. Хотя, — он усмехнулся, — с чертом-то они друзья-приятели.

Герман вставил в мундштук очередную сигарету и прикурил. Сеченов неодобрительно поглядел на него:

— Какого хрена жечь сигареты одну за одной и при этом думать, что не наглотаешься никотина? Ну, выкуришь ты тридцать штук через эту фиговину, а ведь это то же самое, как если бы ты выкурил пятнадцать без нее. Занимаешься черт знает чем... А насчет медиума — это мне хорошая мысль пришла в голову. И вспомнилось кое-что. И если то, о чем я подумал, правда, мы все рискуем оказаться в заднице.

Гера смотрел на генерала с возрастающим изумлением:

— Вы верите во всякую подобную ерунду?

Сеченов в тон ему парировал:

— А ты хочешь попробовать объяснить произошедшее как-то иначе?

С Е К Т А

— А почему нет? Ведь существуют технологии проведения митингов, шествий, ораторское искусство, наконец! Все вместе, соединенное в вожаках этих не-пойми-чем-недовольных, запросто может привести к такому результату. Манипуляции людскими массами и прочее... Гитлер же тренировался произносить речи перед зеркалом? Почему не допустить, что какой-нибудь Касякин не занимается тем же самым, стоя нагишом перед зеркалом в своем будуаре, и, втянув дряблый животик, декламирует тренировки ради Маяковского?

— Ты сравнил Гитлера с Касякиным, ха! Гитлер — это, как пишут в твоём любимом Интернете, «аццкий сотона», а твой Касякин — это, — и генерал Петя употребил очень крепкое ругательство. — Нет, тут другое. И надо перестраховаться. Придется тебе завтра рано-рано отправиться в путь и доставить сюда одного интересного человека.

Гера явно не ожидал такого поворота событий и, опешив, не знал, что ему говорить. Наконец выдал:

— Ч-чего? Кого?

Генерал Петя досадливо поморщился:

— Да не перебивай ты меня. Если я разрешил тебе «тыкать», то это не значит, что мы с тобой за-панибрата. Обо всем узнаешь — ночь впереди долгая. У тебя еще не появилось никого, кто сейчас греет тебе постель и ждет, когда ее Герочка прикатит со своего ответственного заседания?

— Нет, — Гера грустно улыбнулся, — если только кот. Но ему главное, чтобы миска была полной, а это забота прислуги.

— Тогда тебе предстоит выслушать мой длинный рассказ, а завтра утром отправиться в путь.

— Куда?

Алексей Колышевский

— Под Кострому. Человека сюда привезешь так, чтобы ни одна живая душа об этом не узнала. Больше доверить некому, только ты в курсе. Сядешь на корявую неприметную машинку с сюрпризом и вперед: шестьсот верст туда, шестьсот обратно. Заодно проветришься, а то ты скоро сдохнешь от такой работы. Ну что, готов узнать чуть больше, чем просто государственная тайна?

— Я ничего не понимаю, но я как пионер, который всегда готов. Выбора-то нет, — Гера хмыкнул, — а кот перетопчется...

ЧАСТЬ 1 | ЛИЦА

По отношению к врагу
все дозволено.

Мораль времен Римской империи

О жизнь, нам имя — Вырождение,
Тебе и смыслу вопреки.

Борис Пастернак

ИГОРЬ ЛЕМЕШЕВ

Москва. Начало июня 1992 года

Это лето в Москве было невозможно жарким. Город жил в каком-то сумасшедшем отчаянии, словно весь он был готов вот-вот немедленно сорваться и очертя голову кинуться на вокзал штурмовать поезда южных направлений. Воздух был похож на жидкое стекло. Казалось, прохожие плавали в стекле, отталкиваясь ногами от зыбких тротуаров, а водители с замиранием сердца поглядывали на температурный датчик приборной панели: не ровен час, вода закипит. Впрочем, водились в этом зное и оазисы. Скверики, где под каждым тополем, под каждым детским грибочком сидели или полулежали, а то и просто дремали какие-то граждане, которых жара изгнала из квартир, и сил хватило лишь выстоять очередь за — вот чудо! — холодным, неприятельно-разбавленным пивом. Ну и наплевать, что не

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог XXL.	5
---------------------	---

Часть I ЛИЦА

Игорь Лемешев. <i>Москва. Начало июня 1992 года</i> . . .	27
Авель. <i>Тульская губерния. 18 марта 1757 года</i>	39
Герман. <i>Москва. Март 2007 года</i>	52
Петр Сеченов. <i>Рим, виа Клиттуньо, 46. Особняк торгпредства России. Июнь 1992 года.</i>	57
Пэм. <i>США. Деревня Берлин — Вашингтон. 1964—1990 годы</i>	70
Герман. <i>«Иисус FM». Москва — Городок N. 2007 год</i> .	85
Игорь Лемешев. <i>Рим — Чивитавеккья. Июнь 1992 года</i>	93
Авель. <i>Валаамский монастырь — Санкт-Петербург. 1787—1796 годы.</i>	103
Игорь Лемешев. <i>Белая ворона. Чивитавеккья. Июнь 1992 года</i>	125
Герман. <i>Капельница. Городок N. Март 2007 года</i> . .	136
Игорь Лемешев. <i>Рим, виа Венето. Раунд-рум посольства США. 29 июня 1992 года</i>	144
Петр и Авель. <i>Правила допроса. Москва. 1796—1992 годы.</i>	152
Герман. <i>Рыжая медсестра. Городок N. Март 2007 года.</i>	167

Игорь Лемешев. <i>С бала на корабль. Рим.</i>	
<i>Июнь 1992 года</i>	179
Дагон. <i>Индийский факир. Бомбей. Июль 1992 года</i>	210
Игорь Лемешев. <i>Кодекс Дагона. Индия — Вашингтон.</i>	
<i>1992—1994 годы.</i>	225
Алтарь. <i>Дар сатаны. США. Чарльстон. 1994 год</i>	241

Часть II ОТРАЖЕНИЯ

Дорога на Затиху. <i>Март 2007 года</i>	251
Сюжэнь, цзюаньцзы и французский велосипедист.	
<i>1955—1994 годы.</i>	264
Белый царь — Красный царь. <i>Екатеринбург —</i>	
<i>Москва. 1917—1994 годы</i>	279
Возвращение. <i>Москва. Ноябрь 1994 года.</i>	292
Ошибка генерала Сеченова. <i>Москва. Март 2007 года.</i>	305
Мистер Ты. <i>Затиха. Март 2007 года</i>	321
Змеи Шивы. <i>Затиха — Калькутта. 1993—2007 годы.</i>	336
Своя игра. <i>Москва. 1995—1999 годы</i>	353
Калейдоскоп. <i>Москва — Балашиха. Март 2007 года.</i>	371
Искушение	391
Эпилог	412